

determine the role of one-member sentences in the creation of the author's (Lisyansky) individual style. The article presents a comparative analysis of the use of certain types of one-member sentences in the author's poetry to define their role in the creation of the poet's individual style. The result of the study showed that one-member sentences were actively used in the poetic discourse of Mark Lisyansky, particularly nominal ones. It is explained by the situation described in the first person singular, lyrical „I am”. Constructions with impersonal-predicative words as principle parts, referring to the physical or mental condition of the lyrical character, are most often used among the impersonal sentences. Generalized-personal sentences appeared least important. Their main purpose is figurative expression of general propositions, generalizations that are not common for the author's poetry. The results can be used as illustrations, samples in the study of the syntax of the Russian language, and also in the linguistic analysis of the literary text in high school. This study gives opportunity for further investigation into syntax features of Lisyansky's poetic heritage, as he is one of the most important poets of our time. The article deals with the concept of poetic discourse, presents a detailed analysis of one-member sentences found in the creative heritage of the famous contemporary poet Mark Lisyansky. Their active use plays an important role in the author's individual style (idiostyle) formation throughout his career. A comparative analysis of the use of certain types of one-member sentences in the author's poetry has been carried out to define their role in the creation of the poet's individual style.

Key words: poetic discourse, syntax, one-member sentence, Mark Lisyansky.

Надійшла до редакції 07.07.2016 р.

УДК [811.162.1+811.161.1]'374

Е. А. Войцева,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой общего и славянского языкознания
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел. : +38(048)776-04-42,
movoznavstvo98@gmail.com

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена проблеме репрезентации национально-специфических различий между контактирующими языками – польским и русским. Обосновывается актуальность линвокультуроведческого подхода, так как фоновые знания, не совпадающие при сравнении двух культур, могут стать препятствием для адекватного взаимопонимания в процессе овладения коммуникативной компетенцией, а в ряде случаев вызвать неправильное восприятие другой славянской культуры и ее языковых элементов. Исследование польской лексики с культурным компонентом в семантике, представленной в современных польско-русских словарях, свидетельствует о том, что она в определенной степени эксплицитно и имплицитно репрезентирует национальную культуру поляков.

Ключевые слова: лексикография, культурно-маркированная лексика, безэквивалентная лексика, фоновая лексика, русский язык, польский язык.

Проблема диалога и взаимопонимания культур является ключевой в теории и практике преподавания славянских языков. Овладение грамматической системой иностранного языка недостаточно для адекватной коммуникации, так как концептосферы разных народов „как области мыслительных образов, представляющих структурированное знание людей” (З. Д. Попова, И. А. Стернин) [11, с. 13] существенно отличаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение в культурно-маркированной специфике языковых знаков как единиц семантического пространства языка, в их значении [11, с. 23].

Языковая картина мира представляет различные области окружающей действительности, в том числе культурную сферу. Наиболее выразительно особенности ее отражения проявляются на лексическом уровне, поскольку именно он

является своеобразным ориентиром в освоении и „прочтении” мира [3, с. 6]. Отметим, что в современной антропологистике проблемы, связанные со взаимодействием языка и духовного мира человека, языка и познания, языка и культуры, исследовали Я. Анусевич, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. Бартминский, В. П. Белянин, А. Бужинская, А. Вежбицкая, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, Н. Г. Комлев, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску и нуждающимся в номинации, И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин относят: „1) традиции (или устойчивые элементы культуры), обычаи (определяемые как традиции в „соционормативной” сфере культуры), обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной культуре системе нормативных требований); 2) бытовую культуру (или традиционно-бытовую культуру), тесно связанную с традициями и др.” [8, с. 77]. Культурный компонент значения слова как „экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру” [1, с. 95], может выявляться в процессе сопоставления языков с помощью: 1) ассоциативного эксперимента; 2) данных лексикографических источников; 3) анализа информации от лиц, изучающих иностранный язык; 4) экспликации информации, содержащейся в текстах (бытовых, публицистических, художественных) [4, с. 126–124].

Однако вопросы, касающиеся того, насколько словарный запас каждого языка подвержен влиянию культуры его носителей, как отражается культурная специфика в лексических системах разных языков, в словарном составе изучаемого и неродного языка, принадлежат к нерешенным и дискуссионным в современном языкознании. Так, например, существуют крайние точки зрения: „Национально-культурная специфика слова в словаре отдельно, как правило, не

отражается, так как эти семантические компоненты относятся к разряду периферийных для значения и присутствуют имплицитно” [1, с. 95].

Интерес к обучению иностранцев польской культуре в методике преподавания польского языка наблюдается со второй половины 90 гг. XX в. Национально-культурное своеобразие польского языка как иностранного рассматривалось в работах П. Гарнцарека, П. Гембала, У. Добеш, В. Медунки и др. [15, с. 16; 5; 6]. Культуроведческий подход в обучении польскому языку как иностранному выходит на первый план, так как содержание, не совпадающее при сравнении двух культур, может стать препятствием для адекватного взаимопонимания в процессе коммуникации. „Невнимание в процессе обучения к культурным элементам (или смыслам, обусловленным культурой) может затруднить коммуникацию, адаптацию новых культурных кодов, и даже вызвать явление так называемого культурного шока. Потому введение материалов с культурным компонентом следует начинать уже на вводном этапе изучения языка” [14, с. 119]. Культурный шок возникает „по причине несовпадения культур, является следствием неполной аккультурации учащегося, незнания или непонимания им норм новой для него культуры” [1, с. 97]. Кроме того, в процессе обучения может наблюдаться лингвистический шок – состояние удивления (смеха, смущения), проявляемое при восприятии языковых элементов (сочетаний звуков, слов, словосочетаний), звучащих на родном языке смешно или неприлично, например, в польском языке *pukać* „стучать”, *puk-puk* „стук-стук”, *żłobek* „ясли”, *blada* „бледная” и др. В межкультурном общении по мере усвоения иностранного языка культурный и лингвистический шок могут постепенно исчезнуть [1, с. 100–102].

На основании анкетирования студентов, изучающих польский язык как иностранный, П. Гарнцарек констатирует: „Образ нашей культуры не оставляет единого целого, так как степень интереса к обучению польского языка и мотива-

ция у учащихся разные” [13, s. 128]. И хотя славянские культуры и языки генетически родственны, однако вследствие самостоятельного исторического и социального развития у них появились культурные отличия.

Исходя из того, что вопросы изучения фиксации в славянских языках культурных явлений принадлежат к актуальным и нерешенным проблемам славистики, **цель** нашего исследования состоит в анализе способов лексикографической репрезентации культурно-специфической информации, содержащейся в лексике польского языка с культурно-маркированным компонентом. Особое внимание уделено специфике концептуальных областей, представленных в рассматриваемом языковом массиве, его способности отображать устойчивые культурные элементы, содержащие познавательные и ценностные приоритеты польского народа.

Материалом для анализа послужила польская лексика с культурно-маркированным компонентом – 595 слов и словосочетаний, собранных методом сплошной выборки из современных толковых словарей польского языка и переводных польско-русских словарей. При отборе польской лексики с культурным компонентом мы опирались на следующие критерии: 1) полное отсутствие лексического соответствия польской языковой единицы в русском языке; 2) несовпадение коннотативных оттенков лексем в польском и русском языках. Собранные таким образом вербальные единицы отличает семантическая связь языка и культуры, которая в конечном итоге обусловлена национальной культурой [10, с. 98–101].

Для обозначения рассматриваемых языковых знаков в научно-методической литературе используются следующие термины: *elementy wyrażające treści kulturowe* [14, s. 119], *jednostki językowe z komponentem narodowo-kulturowym*; *leksyka zdeterminowana kulturowo* [14, s. 196]; *межъязыковые лексические соответствия* (лексические эквиваленты и переводные соответствия) „слова двух языков, имеющие об-

щие семантические компоненты с единицей другого языка, которые могут использоваться для взаимного перевода хотя бы в некоторых контекстах” [11, с. 27]; *лексика с национально-культурным компонентом* [2, с. 132]; *национально-специфическая лексика* и др. Мы используем термин *культурно-маркированная лексика*, под которым понимаем слова и словосочетания, содержащие дополнительную культурную информацию, с помощью которой вербализируется языковая картина мира определенного народа.

В двуязычных словарях последовательно, хотя и не всегда подробно, фиксируются культурно-маркированные языковые единицы, безэквивалентные и неполноэквивалентные слова и словосочетания, в семантике которых зафиксирован лексический фон („ореол всевозможных непонятных представлений носителей культуры”) [1, с. 95], в частности, информация о людях, их бытовых, социальных и духовных потребностях, результатах их деятельности, например: *gazda* „газда – крестьянин, хозяин (у горцев Татр)” [БПР, т. 1, с. 226]; „*region. podhalański i karpacki właściciel gospodarstwa wiejskiego; gospodarz*” [SJP]; *kujawa* „обл. 1) пески, беспородный песчаный грунт; песчаный холм; 2) северный ветер” [БПР, т. 1, с. 371] „*gw. jałowy, nieurodzajny, piaszczysty grunt; piaszczysta wydma leśna; wiatr północny*” [SJP]; *jabłczanka* „яблочный суп” [БПР, т. 1, с. 283]; „*zupa z jabłek*” [SJP]; *kitla* „парадный мундир польского шахтера” [БПР, т. 1, с. 320] „*tradycyjny strój górniczy, kaftan ozdobiony złotymi guzikami i aksamitnym obszyciem*” [SJP]; *dziwożona* „*фольк. лесной (горный) дух в образе женщины*” [БПР, т. 1, с. 186]; „*mityczna postać kobiety, według wierzeń poety, przebywająca w górskich rozpadlinach, dołach, pieczarach; rusałka, boginka (zwykle złośliwa)*” [SJP]. Безэквивалентные номинации чаще всего транслитерируются на русский язык (при транслитерации происходит „передача букв одной письменности посредством букв другой письменности; при написании заимствованных и калькированных слов, при передаче собственных имен”

[СЛТ, с. 30]) и снабжаются пояснениями, например: *Barbórka Барбурка* (традиционный праздник польских шахтеров – 4 декабря); *dożynki дожинки* (праздник урожая) [НПР, с. VII]. Следует отметить, что до нашего времени отсутствует польский лингвострановедческий словарь, а в имеющихся фактических источниках не зафиксированы названия, обозначающие понятия, важные для польской культуры (*orzeł biały, mazurek Dąbrowskiego, demokracja szlachecka, Konstytucja 3 Maja, liberum veto* и др.), либо их толкование является неполным или устаревшим, например: *andrzejki* „народный обряд с гаданием накануне Дня святого Андрея (29 ноября)” [БПР, т. 1, с. 33; НПР, с. 7]; ср.: „wieczorna zabawa młodzieży w wigilię św. Andrzeja (29 listopada), połączona z rozmaitymi wróżbami dotyczącymi przyszłości uczestników zabawy” (SJP); *bamber* „хозяин-немец (в языке польских батраков)” [БПР, т. 1, с. 52], ср.: „chłop, wieśniak-Niemiec (czasem z odcieniem pogardliwym); szwab” [SJP].

Нерешенным и дискуссионным является вопрос о том, какая часть лексического значения содержит культурный компонент. Как известно, лексическое значение состоит из следующих компонентов: 1) предметно-понятийного (денотативного); 2) структурного (парадигматика и синтагматика); 3) коннотативного – эмоциональные, оценочные, стилистические оттенки значения. В ряде исследований высказывается мысль о том, что культурная информация содержится в коннотативном компоненте значения языковых знаков [11]. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров считают, что структура семемы (значения слова) состоит из двух частей: 1) лексического понятия; 2) лексического фона [4, с. 44], который репрезентирует культурные смыслы. Культура фиксируется в слове, словосочетании, утверждает В. П. Белянин, однако существуют *лингвистические* представления (культурный компонент значения слова фиксирует лексический фон) и *психоллингвистические* (фоновые знания существуют не в форме семантических долей слов и

словосочетаний, а в форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций, „это знание не языковое, а пресуппозициональное, внутренняя идеальная модель внешнего материального мира или его фрагмента”) [1, с. 95].

По мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, „национальная специфика семантики языковой единицы (ее отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения) обнаруживается на *всех языковых уровнях*, но лишь денотативная национальная специфика семантики слова, а также специфика, выявившаяся в таких компонентах коннотации, как эмоция, оценка и усилительность, могут быть интерпретированы как отражение национальной специфики соответствующих концептов” [11, с. 26; 28]. Таким образом, выявление культурно-маркированной лексики возможно в процессе установления отличий в денотативном и в коннотативном компонентах семантики.

На форму отражения культурных смыслов оказывает влияние неодинаковая степень культурных связей, выражаемых в русском языке **эксплицитно** при обозначении польских реалий, предметов материальной культуры, символов – в безэквивалентной лексике (*jaselka*, *widowisko jaselkowe* „вертеп (кукольное представление на Рождество)” [БПР, т. 1, с. 287]; „вертеп (на рождественский сюжет)” [НПР, с. 142]; „*widowisko sceniczne lub kukielkowe, mające za treść narodzenie Chrystusa; szopka*” [SJP] или **имплицитно** (в фоновой лексике, которой присущ так называемый *лексический фон*, *фоновые доли*), например: *powódź* „1) наводнение, паводок; 2) *перен.* море, потоп (изобилие, множество)” [БПР, т. 2, с. 139; НПР, с. 398]; ср.: „*zalanie znacznej przestrzeni przez wezbranie wody rzeki; przen.* mnogość czego, mnóstwo, masa” [SJP].

Безэквивалентность (*лакуна, случайные пробелы в речевых моделях, этноэйдема*) проявляется в том случае, когда денотативный компонент польской лексемы невозможно сопоставить с какой-либо единицей в русском языке. Основными признаками лакун, отражающих специфику данной лингво-

культурной общности, являются *непонятность*, *непривычность* (экзотичность), *чуждость* (незнакомость) [1, с. 96].

В лингвострановедении под **безэквивалентной лексикой** понимают лексические единицы, план выражения которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями [2, с. 136]. Данный языковой пласт представляют конкретные имена существительные: *basa* „баца (старший чабан в Татрах)” [БПР, т.1, с. 48]; „starszy pasterz owiec, owczarz, latem zwierzchnik juhasów pasących owce w Tatrach, a także gospodarz w szałasie” (SJP); и глаголы, обозначающие конкретные физические действия: *bacować* „чабанить (в Татрах)” [БПР, т. 1, с. 48]. У безэквивалентных лексем ограничены возможности варьирования с точки зрения плана содержания, хотя в ряде случаев они группируются как синонимы, обозначая разновидности какого-либо понятия: *kupała*, *sobótka*, *wianek* „фолькл. народное гуляние в ночь на Ивана Купалу” [БПР, т. 2, с. 356; 531]; „hist. dawna uroczystość ludowa, zwłaszcza na Rusi, obchodzona w noc świętojańską, hucznie, z licznymi obrzędami i zabawami; *sobótka*” [SJP].

Лакуны могут заполняться разными способами: транслитерированием и дополнительными пояснениями в скобках (*Kościuszkowiec* „*костюшковец* (солдат дивизии имени Т. Костюшко)”) [БПР, т. 1, с. 352] либо детальным комментированием (*oczepiny* „свадебный обряд надевания на невесту чепца” [БПР, т. 1, с. 581], ср.: „weselny zwyczaj ludowy polegający na zdjęciu panny młodej wianka a nałożeniu czepka na znak przyjęcia przez nią obowiązków mężatki i gospodyni” [SJP]; *Podhalanin* „горец Подгалья (польских Татр)” [БПР, т. 2, с. 65]; *oszcypek* „копченая брынза (в кусках веретенообразной формы)” [БПР, т. 1, с. 648], ср.: „ser owczy w kształcie barylki, o przekroju zbliżonym do rombu, z wyciskanymi ozdobami, wyrabiany przez Górali na Podhalu” [SJP].

Многообразие безэквивалентной культурно-маркированной лексики отображено в таких подгруппах: 1.1. **ЭКЗОТИЗМЫ** – *bigos* „бигос (род мясной солянки)” [Ковалева, с. 11]; „ро-

trawa z kwaszonej kapusty, duszonej wraz z kawałkami mięsa różnego rodzaju, przyprawiona pieprzem”[SJP]; 1.2. **историзмы** – *postrzyżyny* „ист. пострижины (обряд первой стрижки волос у мальчиков)” [БПР, т. 2, с. 127]; „dawny pogański obrzęd obcięcia włosów chłopcu, który przechodził spod opieki matki pod opiekę ojca” [SJP]; 1.3. **1.3. диалектизмы** – *juhas* „обл. пастух овец (в Татрах)”;*juhaska* „обл. пастушка овец”; *juhasować, juhasić* „разг. обл. пасти овец (в Татрах)” [БПР, т. 1, с. 295]; *juhas* „młodszy pasterz owiec w Tatrach i Karpatach ”; *juhaska* „góralka pasąca owce” [SJP]; 1.4. **фольклорные слова и словосочетания** – *goplana* „гоплана” (в польских народных поверьях: русалка, живущая в озере Гопло) [БПР, т. 1, с. 241].

Основную массу безэквивалентных лексических единиц составляют **экзотизмы** < др.-гр. *ἐξωτικός* „чуждый, иноземный” – слова, используемые для описания жизни других народов [СЛТ, с. 338], служащие для номинации реалий (термин *реалия* употребляем в значении „денотат и его знак в языке”), передачи местного колорита: *soltys* „солтыс (сельский староста)” [БПР, т. 2, с. 357]; *wójt* „войт (выборный староста в Польше)” [БПР, т. 2, с. 357]; *faworki* „1) кул. хворост; 2) обл. цветные ленты, цветная тесьма” [БПР, т. 1, с. 206]; *faworek* in. *chrust* „1) cienkie kruche ciasto w kształcie wijących się wstążek, smażone w tłuszczu; 2) reg. *krak.* kolorowe wstążki lub tasiemki u ludowych koszul krakowskich” [SJP]; *sękacz* „вид сухого торфа” [БПР, т. 2, с. 332]; „słodkie ciasto spiętrzone wysoko przypominające kształtem gruby kij sękaty” [SJP]; *pasiak* „полосатая домотканая материя” [БПР, т. 2, с. 20]; „ludowy wyrób tkacki, najczęściej wełniany lub lniany o deseniu w pasy” [SJP]; *maciejówka* „фуражка (с ремешком или шнурком на околыше)” [БПР, т. 1, с. 415]; „czapka z okrągłym denkiem, z daszkiem lub sznurkami nad daszkiem” [SJP]; *Zaduszki* „церк. день поминовения усопших” [БПР, т. 2, с. 644]; „w Kościele katolickim: dzień poświęcony pamięci zmarłych, przypadający 2 listopada; *Dzień Zaduszny*” (SJP); *Boże Ciało* „праздник Тела Господня” [НПР, с. 30]; *lajkonik* „лайконик

(традиционное народное гулянье в Кракове; главный персонаж этого гулянья)” [БПР, т. 1, с. 380; Ковалева, с. 80]; *konik zwierzyński* „1) tradycyjna doroczna uroczystość ludowa odbywająca się w Krakowie w oktawę Bożego Ciała, jakoby na pamiątkę odparcia najazdu Tatarów (pozostałość dawnych zwyczajów cechowych); 2) główny uczestnik tej uroczystości, występujący w stroju wschodnim, jadący na drewnianym koniu na czele orszaku przebranego za Tatarów” [SJP] и др.

К экзотизмам близки **областные слова** (диалектизмы или этнографизмы), отличающиеся необычностью употребления и особой эстетической нагрузкой в художественных произведениях. Они вводятся, в частности, в речь персонажей как лексемы, не имеющие эквивалентов в литературном языке [СЛТ, с. 170]. Этнографизмы принадлежат к исконной польской лексике, например: *oryl* „1) обл. сплавщик, плотовщик”; *orylka* „сплав леса” [БПР, т. 1, с. 639]; „*środ*. człowiek trudniący się spławianiem drzewa, zajmujący się orylką; *flisak*” [SJP]; *namiotka* „обл. повойник” (БПР, т. 1, с. 492); „gw. nakrycie głowy zamężnych kobiet wiejskich z białego, cienkiego płótna; rodzaj chusty” [SJP]; *zanieć* „обл. занос; сугроб” [БПР, т. 1, с. 664]; „gw. zaspą, wał śniegu” [SJP].

Фольклорным словам и словосочетаниям в польском языке присущи символичность и аксиологические характеристики, ср.: *chochlik* „фольк. домовый” [БПР, т. 1, с. 102]; „w baśniach ludowych: istota nadprzyrodzona, duch *złośliwy albo psotny*; *skrzat*, *duszek*” [Sobol, s. 87]; *południca* „фольк. мапа; регион. призрак” [БПР, т. 2, с. 100]; „według dawnych wierzeń ludowych: *demon w postaci kobiety*, ukazujący się na polach w upalne dni w samo południe” [SJP; *syrena* *mufl.* „сирена” [БПР, т. 2, с. 403]; „w mitologii greckiej i w podaniach ludowych: nimfa morska, *wabiąca śpiewem marynarzy w miejsca niebezpieczne*, mająca do połowy postać kobiety, a od połowy postać ryby” [SJP]; *smok* „дракон” [БПР, т. 2, с. 354]; „w wierzeniach ludowych, bajkach: *potwór, zwykle wielogłowy, skrzydlaty*, mający szpony i ogon węża” [SJP].

В случае **неполной эквивалентности** коннотативный компонент лексемы отличается от подобной единицы в польском языке наличием фоновых долей – оценочных (*chorąży* „1) знаменосец; 2) *перен.* поборник, глашатай” [БПР, т. 1, с. 103]), эмоциональных (*dziad* „1) дед, дедушка; 2) дед, прадед, предок, пращур; 3) нищий; 4) *пренебреж.* старик, дед; старый хрыч” [БПР, т. 1, с. 181]), стилистических (*fujara* „1) дудка, свирель; 2) *перен. разг.* растяпа, разиня” [БПР, т. 1, с. 219]). Данные языковые единицы содержат информацию культурного характера, нуждающуюся в лингвострановедческих комментариях, так как значения их лексических фонов в польском и русском языках не совпадают.

Фоновая лексика включает следующие подгруппы:

2.1. слова и словосочетания с переносными значениями – *takówka* „1) плод мака, маковка; 2) *перен., шутл.* голова, башка” [БПР, т. 1, с. 418]; *abecadło* „азбука, алфавит; *перен.* азбука (азы) физики (математики и т.п.)” [БПР, т. 1, с. 21];

2.2. лексические единицы с ассоциативными коннотациями – *na garę* „разг. зайцем (без билета)”; *gapu łapać* „разг. считать ворон, зевать по сторонам”; *gapowiczostwo* „разг. езда зайцем (на городском транспорте)”; *gapowicz* „разг. безбилетный пассажир”; *gapowiczka* „безбилетная пассажирка” [БПР, т. 1, с. 222; НПР, с. 109], оценочными оттенками, мелиоративными (*honor* „1) честь; 2) мн. почести” [БПР, т. 1, с. 264]) или пейоративными: *drab* „1) *презр.* верзила, детина, дылда; 2) тип, подозрительная личность” [БПР, т. 1, с. 165–166], со стилистической коннотацией: *cichociemny* разг. „разведчик-антифашист (заброшенный в тыл неприятеля на парашюте)” [БПР, т. 1, с. 110].

Если сравнивать рассматриваемые лексемы в польском и русском языках, они будут отличаться в силу того, что им присущи оттенки в семантике. Поэтому фоновая лексика образует наиболее сложную группу с точки зрения определения национально-культурного содержания [2, с. 136].

В случае механического совмещения лексического значения может наступить *интерференция* (лат. *inter* „между” + *ferens / ferentis* „несущий, переносящий”) „взаимодействие и взаимовлияние двух языковых систем в условиях, когда они используются сразу двумя языками (билингвизм)” [СЛТ, с. 88]. Правильное понимание фоновой лексики осложнено тем, что эти языковые единицы называют понятия, для которых в родном языке существуют аналоги, названные А. Корниловым „псевдокоррелятами”, так как они снимают проблему, однако затрудняют попытки проникнуть в суть понятий [7, с. 149], например, в большом польско-русском словаре фиксируется слово *lagier* разг. лагерь (концентрационный); *lagrowiec* – лагерник [БПР, т. 1, с. 380], ср. *lagier* (< niem. *lager* – obóz) „niemicki obóz pracy przymusowej”; также *lagier* (< ros. *lagier* – obóz) „sowiecki obóz pracy przymusowej” [Wiem – M. Tytuła, M. Łosiak], тогда как в русском языке слово *лагерь* полисеманлично, имеет следующие значения: „1) временная стоянка войск вне населенных пунктов; 2) временное поселение, стоянка; 3) место, где содержатся заключенные, военнопленные; 4) *перен.* общественно-политическая группировка, течение, направление” [СРЯ, т. 2, с. 159].

Понятийный континуум польской культурно-маркированной лексики мы классифицировали, опираясь на рубрики идеографической схемы *I. Вселенная. II. Человек. III. Человек и вселенная* Р. Халлига и В. фон Вартбурга, развитой в трудах В. В. Морковкина, Ю. Н. Караулова, А. Марковского [14; 9]. В основу таксономии положена идея о том, что смысловое пространство является общим для всех языков, но каждый конкретный язык членит его специфично [13; 9].

Установлено, что польская безэквивалентная и фоновая лексика употребляется для обозначения идеографической сферы *II. Человек* (565 слов и словосочетаний, 95,5 % от общего количества собранной лексики). Наибольшее количество языковых единиц называют понятия в следующих группах: 1) *Человек как общественное существо*, подгруппа

„Социальные организации и социальные институты” – номинации из сферы литературы, искусства, народных традиций (139 слов и словосочетаний, 23,3 %), наименования из области вероисповедания и религии (63 лексических единицы, 10,5 %); 2) *Человек как живое существо*, подгруппа „Потребности человека” – названия еды, напитков, одежды и т.п. (105 слов и словосочетаний, 17,6 %), наименования лиц (56 лексем, 9,4 %) и др. номинации. Две другие идеографические сферы представлены отдельными лексемами: *I. Вселенная* – 20 слов, 3 %; *III. Человек и вселенная* – 6 слов (2 %).

В результате проведенного анализа констатируем, что польская лексика с культурно-маркированным компонентом в семантике, представленная в современных двуязычных польско-русских словарях, эксплицитно и имплицитно репрезентирует национальную культуру поляков. Проанализированные слова и словосочетания отражают познавательные, практические, духовные ценности национальной культуры поляков и предоставляют возможность изучающим польский язык приблизиться к пониманию сложных процессов освоения окружающей действительности польским этносом. Польские культурно-маркированные лексемы обозначают сферы, связанные с репрезентацией человека как общественного и живого существа.

Результаты проведенного исследования будут полезными в практике преподавания польского языка как иностранного и при составлении лингвострановедческого словаря, содержащего польскую культурно-маркированную лексику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В. П. Введение в психолингвистику / В. П. Белянин. – М. : ЧеРо, 1999. – 129 с.
2. Бутенко Е. Ю. Лингвокультурология : учебник / Е. Ю. Бутенко, Т. В. Евсюкова. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – 480 с.

3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – Москва : Индрик, 1998. – 240 с.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : „Индрик”, 2005. – 1040 с.
5. Войцева О. А. Соціокультурна компетентність як важлива складова у процесі вивчення сучасної польської мови / О. А. Войцева // Слов'янський збірник: Збірник наукових праць. – Вип. XVI. – Чернівці : Букрек, 2012. – С. 337–344.
6. Войцева О. А. Польська національно-маркована лексика у східнослов'янських мовах / О. А. Войцева // Слов'янські читання: літературознавчий та лінгвокультурологічний аспекти: зб. наук. ст. за мат. Всеукр. наук. конф. (м. Одеса, 19–20 жовтня 2015 р.) / відповід. ред. Н. М. Раковська; ред. кол. Є. М. Черноіваненко, В. Б. Мусій, А. Т. Малиновський [та ін.]. – Одеса : Астропринт, 2016. – 364 с.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/43790-Yazykovye-kartiny-mira-kak-proizvodnye-nacionalnyh-mentalitetov.html>
8. Марковина И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М. : ГЕОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
9. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : МГУ, 1970. – 72 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rifmovnik.ru/ideog_book.htm
10. Спиридовская Л. А. Национально-специфическая лексика как средство идентификации языковой личности (на материале австрийского варианта немецкого языка) / Л. А. Спиридовская // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. трудов / ред. Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. – С. 98–101.
11. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. – Воронеж, 2002. – 151 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_

Izbrannye_nauchnye_publicacji/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/
Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf

12. Brzozowska M. Etymologia a konotacja wybranych nazw kamieni / M. Brzozowska // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000, Nr 12. – S. 265–278.

13. Garncarek P. Świat języka polskiego oczami cudzoziemców / P. Garncarek. – Warszawa : DiG. – 1997. – 148 s.

14. Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie: Versuch eines Ordnungsschemas / R. Hallig, W. Wartburg. – 2., neu bearb. u. erw. Aufl. – Berlin, 1963. – 316 p.

15. Kultura w nauczaniu języka polskiego jako obcego. Stan obecny – programy nauczania – pomoce dydaktyczne / pod red. W. T. Miodunki. – Kraków : UNIWERSITAS, 2004. – 171 s.

16. Markowski A. Leksyka wspólna różnym odmianom polszczyzny / A. Markowski. – Wrocław : Wedza o kulturze, 1992. – T. I. – 197 s.

17. Szerszunowicz I. Kulturowe znaczenie komponentu frazeologizmu a jego międzyjęzykowa ekwiwalencja / I. Szerszunowicz, I. Vidović Bolt // Białostockie Archiwum Językowe. – Nr 14. – S. 195–216.

БПР – Гессен Д. Большой польско-русский словарь: в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1998.

Ковалева – Ковалева Г. В. Польско-русский и русско-польский словарь / Г. В. Ковалева. – 9 изд., испр. – М. : Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010. – 528 с.

НПР – Стыпула Р. Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалева. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2004. – 724 с.

СЛТ – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 4 изд., испр. и доп. – Назрань : Изд-во ООО „Пилигрим”, 2005. – 379 с.

SJP – Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego : w 11 t. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sjpd.pwn.pl/>

Wiem – М.Тытұла, М. Łosiak. Polski bez błędów. Poradnik językowy dla każdego. Lagier a łagier. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://portalwiedzy.onet.pl/140651,,,lagier_a_lagier,haslo.html

REFERENCES

1. Belyanin V. P. Vvedenie v psikholingvistiku / V. P. Belyanin. – M. : CheRo, 1999. – 129 p.
2. Butenko E. Yu. Lingvokul'turologiya : uchebnik / E. Yu. Butenko, T. V. Evsyukova. – 2-e izd., ster. – M. : Flinta, 2015. – 480 p.
3. Vendina T. I. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm) / T. I. Vendina. – Moskva : Indrik, 1998. – 240 p.
4. Vereshchagin E. M. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh takтик i sapientemy / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov; pod red. Yu. S. Stepanova. – M. : „Indrik”, 2005. – 1040 p.
5. Voytseva O. A. Sotsiokul'turna kompetentnist' yak vazhlyva skladova u protsesi vyvchennya suchasnoyi pol's'koyi movy / O. A. Voytseva // Slov'yans'kyy zbirnyk: Zbirnyk naukovykh prats'. – Vyp. XVI. – Chernivtsi : Bukrek, 2012. – P. 337–344.
6. Voytseva O. A. Pol's'ka natsional'no-markovana leksyka u skhidnoslov'yans'kykh movakh / O. A. Voytseva // Slov'yans'ki chytannya: literaturoznachyie ta linhvokul'turolohichnyy aspekty: zb. nauk. st. za mat. Vseukr. nauk. konf. (m. Odesa, 19–20 zhovtnya 2015 r.) / vidpovid. red. N. M. Rakovs'ka; red. kol. Ye. M. Chernoiivanenko, V. B. Musiy, A. T. Malynovs'kyi [ta in.]. – Odesa : Astroprynt, 2016. – 364 p.
7. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov / O. A. Kornilov. – izd. 2-e, ispr. i dop. – M. : CheRo, 2003. – 349 p. – [Electron resource]. – Access mode: <http://docplayer.ru/43790-Yazykovye-kartiny-mira-kak-proizvodnye-natsionalnyh-mentalitetov.html>
8. Markovina I. Yu. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu: ucheb. posobie / I. Yu. Markovina, Yu. A. Sorokin. – M. : GEOTAR-Media, 2008. – 144 p.
9. Morkovkin V. V. Ideograficheskie slovari / V. V. Morkovkin. – M. : MGU, 1970. – 72 p. – [Electron resource]. – Access mode: http://rilmovnik.ru/ideog_book.htm
10. Spiridovskaya L. A. Natsional'no-spetsificheskaya leksika kak sredstvo identifikatsii yazykovoy lichnosti (na materiale avstriyskogo varianta nemetskogo yazyka) / L. A. Spiridovskaya // Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i problemy natsional'noy identichnosti: Sb. nauch. trudov / red. L. I. Grishaeva, T. G. Strukova. – Voronezh : Izd-vo VGU, 2002. – P. 98–101.

11. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. – Воронеж, 2002. – 151 p. – [Electron resource]. – Access mode: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicatii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf
12. Brzozowska M. Etymologia a konotacja wybranych nazw kamieni / M. Brzozowska // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000, nr 12. – S. 265–278.
13. Garncarek P. Świat języka polskiego oczami cudzoziemców / P. Garncarek. – Warszawa : DiG. – 1997. – 148 s.
14. Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie: Versuch eines Ordnungsschemas / R. Hallig, W. Wartburg. – 2., neu bearb. u. erw. Aufl. – Berlin, 1963. – 316 p.
15. Kultura w nauczaniu języka polskiego jako obcego. Stan obecny – programy nauczania – pomoce dydaktyczne / pod red. Władysława T. Miodunki. – Kraków : UNIWERSITAS, 2004. – 171 s.
16. Markowski A. Leksyka wspólna różnym odmianom polszczyzny / A. Markowski. – Wrocław : Wiedza o kulturze, 1992. – T. I. – 197 s.
17. Szerszunowicz I. Kulturowe znaczenie komponentu frazeologizmu a jego międzyjęzykowa ekwiwalencja / I. Szerszunowicz, I. Vidović Bolt // Białostockie Archiwum Językowe. – Nr 14. – S. 195–216.
- BPR – Gessen D. Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar': v 2 t. / D. Gessen, R. Stypuła. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1998.
- Kovaleva – Kovaleva G.V. Pol'sko-russkiy i russko-pol'skiy slovar' / G. V. Kovaleva. – 9 izd., ispr. – M. : Rus. yaz. – Media; Drofa, 2010. – 528 p.
- NPR – Stypuła R. Novyy pol'sko-russkiy slovar' / R. Stypuła, G. V. Kovaleva. – M. : Rus. yaz. – Media, 2004. – 724 p.
- SLT – Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 4 izd., ispr. i dop. – Nazran' : Izd-vo OOO „Piligrim”, 2005. – 379 p.
- SJP – Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego : w 11 t. – [Electron resource]. – Access mode: <http://www.sjpd.pwn.pl/>
- Wiem – M. Tytuła, M. Łosiak. Polski bez błędów. Poradnik językowy dla każdego. Lagier a łagier. – [Electron resource]. – Access mode: http://portalwiedzy.onet.pl/140651,,,lagier_a_lagier,haslo.html

О. А. Войцева

**ПОЛЬСЬКА КУЛЬТУРНО-МАРКОВАНА ЛЕКСИКА
В СУЧАСНІЙ ПОЛЬСЬКО-РОСІЙСЬКІЙ
ЛЕКСИКОГРАФІЇ**

Статтю присвячено актуальній проблемі репрезентації національно-специфічних відмінностей між контактуючими мовами – польською та російською. Обґрунтовано застосування лінвокультурного підходу, оскільки фонові знання при порівнянні двох культур не збігаються, що може стати перешкодою до адекватної комунікації, а в деяких випадках викликати неправильне сприйняття іншої слов'янської культури та мовних елементів. Дослідження польської лексики з культурним компонентом у семантиці, представленої в сучасних польсько-російських словниках, засвідчує, що вона певною мірою експліцитно та імпліцитно репрезентує національну культуру поляків.

Ключові слова: лексикографія, культурно-маркована лексика, безеквівалентна лексика, фонові знання, російська мова, польська мова.

O. A. Voytseva,

Doctor of Philology,

Professor, Chair of General and Slavic Linguistics Department,

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel. : +38(048)776-04-42,

movoznavstvo98@gmail.com

**POLISH CULTURALLY MARKED LEXICON
IN MODERN POLISH-RUSSIAN LEXICOGRAPHY**

The aim of the research was to analyze ways of the lexicographical representation of the culture specific information in the Polish lexicon, which represents the certain fragments of the Polish linguistic picture of the world. Particular emphasis was drawn to the conceptual areas reflected in the words and phrases, their specificity, to the specifics of mapping the elements of culture containing cognitive and value priorities of Polish people. The issues relating to how the vocabulary of each language is influenced by the culture of its

speakers, how the cultural specificity is reflected in the lexical systems of the different languages, in the vocabulary of the non-native language belong to unresolved and controversial ones in modern linguistics. The relevance of linguistic and cultural approach to the analysis of the investigated lexical array is proved by the background knowledge not coinciding between the two cultures. This fact can become a barrier to an adequate understanding in the process of mastering the communicative competence, and in some cases it causes an incorrect perception (a cultural and linguistic shock) of the other Slavic culture and its linguistic elements. The study of the Polish words with the cultural component in their semantics, presented in the modern Polish-Russian dictionaries, indicates that the national culture of the Poles is performed both explicitly and implicitly to some extent. Naming the objects, concepts, phenomena of the world in the considered vocabulary array is systemic. It represents the most important sphere in the culture of the Polish society (man as public and living creature).

The culture specific vocabulary is still not fully presented in Polish linguistic dictionaries, and in the existing lexicographical sources there are no fixed names denoting the concepts important for the Polish culture (*orzeł biały, mazurek Dąbrowskiego, demokracja szlachecka, Konstytucja 3 Maja, liberum veto*, and others), or their interpretation is incomplete or out of date. Therefore, the results of the research can be useful not only in teaching Polish as a foreign language for the Russian audience, but also in compiling a linguistic dictionary, with the Polish culture specific lexicon.

Key words: lexicography, culturally marked lexicon, non-equivalent vocabulary, culture specific vocabulary, Russian, Polish.

Надійшла до редакції 30.08.2016 р.

УДК 811.161.1+811.161.2+811.112.2'373.7

В. В. Горбань,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел. : (048)776-09-60,
vigor.onu@gmail.com